

Е.Т. Глазинская¹

Алтайский государственный педагогический университет

БЕЗУМИЕ И ПОТУСТОРОННОСТЬ В ПРОЗЕ

Л. УЛИЦКОЙ

В статье предпринята попытка исследования феномена безумия в произведениях Л. Улицкой разных жанров. Выделены разновидности безумия: 1) безумие как благодать, блаженство и юродство; и 2) безумие как черный хаос. Структурно-семиотический и мифопоэтический подходы позволяют выяснить связь между безумием и потусторонностью (с нею связан второй тип безумия) в цикле рассказов «Бедные родственники» и в романе «Казус Кукоцкого». Для интерпретации текстов привлечен сборник эссе Л. Улицкой «Священный мусор».

Ключевые слова: безумие, благодать, потусторонность, сумасшествие, юродство.

E.T. Glazinskaya

Altai State Pedagogical University

INSANITY AND OTHERWORLD IN LYUDMILA ULITSKAYA'S PROSE

The article studies the phenomenon of madness in L. Ulitskaya's different genres works. We considered two types of madness: 1) happy madness, as grace, bliss and foolishness; and 2) madness as black chaos. The connection between madness and other-worldliness (that is connected with the second type of madness) in the short-story cycle "Poor Relatives" and in the novel "The Kukotsky Enigma". The collection "The Holy Garbage" is used for texts interpretation.

Key words: madness, grace, other-worldliness, foolishness, idiotic action.

Безумие всегда являлось предметом интереса ученых и писателей. Философы, начиная с Платона и Аристотеля, описывали его в своих трудах, мотивы безумия присутствуют в русской литературе: в произведениях Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, Л.Н. Андреева, В.В. Набокова, М.А. Булгакова, А.П. Чехова появляются

---

¹ Евгения Тимофеевна Глазинская – аспирант кафедр литературы АлтГПУ (Барнаул)

различные интерпретации безумия; о безумии пишут и современные авторы – Л. Петрушевская, Т. Толстая и Л. Улицкая.

В настоящее время в психиатрии не используется термин безумие, хотя еще в прошлом веке его можно было встретить в медицинских словарях. Сам термин «безумие» постепенно стал считаться слишком общим, расщепившись на другие, в зависимости от типа психического расстройства.

Безумие – объект изучения психиатрии, психиатрия же – следствие существования феномена безумия. Философский подход Мишеля Фуко говорит об обратном – до XIX века безумия не существовало, психиатрические болезни созданы психиатрией для того, чтобы можно было найти разгадки сущности человека¹. Безумие как неразумность дает основания определить, что такое «нормальность» и «разумность». Культуролог Вадим Руднев видит сущность безумия в несоответствии реальности здравому смыслу, где здравый смысл – соответствие вещей знакам [Руднев, 2005, с. 290]. Безумие, по мнению Руднева, пребывает в истине, нормальный человек – в иллюзии. М.Н. Эпштейн также рассматривает безумие как культурный символ² [Эпштейн, 2004, с. 512].

Безумие является объектом исследования в работах многих отечественных литературоведов. Л.К. Антошук [Антошук, 1996] исследует безумие в культурологическом аспекте. К.А. Янчевская в своей работе рассматривает юродство как национальный культурный феномен [Янчевская, 2004]. В диссертации И.В. Мотеюнайте в центре находится отношение к юродству в русской церковной и светской среде на примере русской литературы XIX–XX веков [Мотеюнайте, 2008]. М.А. Зими́на применяет междисциплинарный подход к художественному тексту в своем исследовании дискурса безумия в исторической динамике русской литературы от романтизма к реализму [Зими́на, 2007]. М.А. Хазова применяет биографический, культурно-исторический и сравнительно-исторический методы в своем исследовании темы безумия в литературе XX века [Хазова, 2016].

Специальных работ о безумии в творчестве Л. Улицкой нет, исследование безумия в ее прозе только намечено. В работах Н.А. Егоровой, О.В. Побивайло, Ю.Н. Серго мотивы безумия в

---

¹ См. подробнее работу Мишеля Фуко «История безумия в классическую эпоху».

² В главе «Методы безумия и безумие метода» он выделяет поэтическое и философское безумие.

произведениях писательницы рассматриваются в рамках исследуемой ими проблемы.

Цель нашей работы – определить особенности изображения безумия в прозе Людмилы Улицкой.

В сборнике эссе, интервью и рассказов «Священный мусор» (2012) Л. Улицкая указывает на формулу собственного творчества – это изучение «щели в пространстве» и «границ возвращения к себе» [Улицкая, 2015, с. 163]. Улицкой-писателю доступно больше, чем Улицкой-биологу: в художественном тексте она пытается не просто разгадать тайну физиологических процессов в живом организме, но и уловить «минуту до просыпания», которая является «щелью – догадкой о фиктивности всего остального, кроме этой цели» [Улицкая, 2015, с. 157]. Просыпание – это метафора начала жизни, попытка «забыть то, откуда ты вынырнул и куда – точно знаешь – предстоит вернуться» [Улицкая, 2015, с. 158]. «Связь между реальной жизнью и бытием иного мира», – вот объект изображения любого писателя [Улицкая, 2015, с. 55].

«Минуту до просыпания» Улицкая соотносит с особым состоянием – безумием, которое, будучи семиотическим по своему статусу [Руднев, 2007], является текстом само по себе, а в прозе Улицкой наделяется глубинным смыслом.

Рабочее определение безумия, которое мы используем в своей работе, – это безумие как отклонение от психической нормы, которое, по мнению В. Руднева, может обобщаться в высказываниях: «со мной что-то не так», «что-то не так между мной и миром» [Руднев, 2007, с. 29].

Как и к любому семиотическому объекту, к безумию можно применить фундаментальную идею бинарности семиотического кода: безумие со знаками плюс и минус, положительное и отрицательное. В русской культуре безумие соотносится с юродством и избранностью этого юродивого – с одной стороны, и с безумием как бесовским наваждением – с другой¹.

Безумие появляется на страницах книг Л. Улицкой в двух вариантах: 1) безумие счастливое – благодать, блаженство («Бронька», «Дочь Бухары», «Народ избранный»); 2) безумие как черный хаос, пропасть («Генеле-сумочница», «Казус Кукоцкого», «Лялин дом»). Последнее связывается пространственно как раз с «щелью» в

---

¹ Как пример – роман «Идиот» Ф.М. Достоевского, где Мышкин и Рогожин представляют два полюса безумия.

мироздании, с потусторонностью, это возможность заглянуть за границы бытия, узнать, что будет после смерти, с возможностью вернуться обратно в мир посюсторонний. «Безумие – это язык, на котором культура говорит не менее выразительно, чем на языке разума. Безумие – это не отсутствие разума, а его потеря, т.е. третье, *послеразумное* состояние личности» – отмечает М. Эпштейн [Эпштейн, 2004, с. 512].

Безумие, связанное с потусторонним пространством, в прозе Улицкой чаще всего переживают женщины¹. Женщинам традиционно приписывается особая способность взаимодействия с потусторонними силами. Согласно христианским представлениям, именно через женщину темные силы воздействуют на мужчину².

В рассказе «Народ избранный» (1993) слабоумная Зинаида, выпадая из реальности, испытывает при этом благодать. Благодать понимается как результат спасительного воздействия Святого Духа, когда человек ощущает себя вне времени и пространства. Улицкая никак не описывает само состояние благодати, но отсутствие знака – тоже значимо: «...густой воздух, которого она касалась рукой, был к ней благосклонен и ласков... Она и сама не заметила, что давно уже сидит на широкой и удобной скамье...» [Улицкая, 2007, с. 101]. Это сопоставимо с описанием Среднего мира из «Казуса Кукоцкого». Слабоумная Зина и ее мужиковатая покровительница Катя отделяются от других людей переживанием иного состояния, способностью заглянуть за пределы этого мира. Так, Катю благодать вернула к богу.

В названии рассказа обыгрываются именованья еврейского народа в Книге Исхода как «богоизбранного», из поколений которого появится Спаситель мира. Это народ, который владеет Словом Божиим в виде Торы. У Улицкой избранным народом являются истинно «нищие духом», юродивые: и Катя, и Зина испытывают благодать.

В статье Ю.Н. Серго «Женская проза России: особенности художественной философии» [Серго, 2006] рассматриваются безумные персонажи в прозе Л. Улицкой и Татьяны Толстой. Образ женского безумия в русской литературе восходит к идее жертвенности во имя спасения мира или любимого человека. Таковы «дурочки» в прозе Улицкой: Сонечка из одноименной повести 1992 года и Бронька из

---

¹ Например, Григорий в рассказе «Дочь Бухары» (1993) слабоумен, но его слабоумие не имеет потусторонней наполненности.

² См. ветхозаветную историю о соблазнении Адама через Еву.

одноименного рассказа 1989 г.¹ Ю.Н. Серго подводит итог²: «Здесь философия героини женской прозы, – пишет исследовательница, – смыкается с одной из важнейших концепций героя в русском постмодернизме вообще, ибо идея знакового поведения, заключающая урок для окружающих, которую несет в себе юродивый как Божий избранник, оказывается важна для современного этапа развития русской литературы» [Серго, 2006, электронный ресурс, <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-proza-rossii-osobennosti-hudozhestvennoy-filosofii>].

В конце рассказа Зина переживает онейрическое состояние, позволяющее ей заглянуть в иной мир. Она видит нечто, подобное райскому саду, где она здорова, где ее мама, молодая и здоровая, в синей кофте, в которой ее хоронили, идет ей навстречу. Но в ее видении вызывает беспокойство то, что мать идет наискосок, а на синей кофте, «вышитые на плечах шерстяные цветочки, хотя Зина точно знала, что цветочки эти с зеленой, китайской» [Улицкая, 2007, с. 108]. Такой же символический ход с погребальным нарядом используется в романе «Казус Кукоцкого»: Новенькая, появившись в Среднем мире, находит у себя в руках бабушкину кружевную косынку, в которой она велела себя похоронить.

Сумасшествие Зины не приобретенное, она безумна изначально, ее умственная отсталость связана с болезнью надпочечников, как и у Милочки в рассказе «Дочь Бухары»³. Но если о жизни неполноценной Милы Бухара позаботилась до своей смерти, то мать Зины этого не сделала. Зина абсолютно несчастна в поюстороннем мире, кроме тех моментов, когда она поглощает губительное для себя сладкое. И.В. Мотеюнайте [Мотеюнайте, 2008, с. 598] разграничивает персонажей – блаженную Дусю и юродивую Маню (заметим, что традиционно юродивые и блаженные – синонимичные понятия). Исследовательница опирается на классификацию юродства, предложенную Елизаветой Беленсон,

---

¹ Бронька никому не рассказывает о своем предмете любви, никто долгие годы не знает, кто является отцом ее сыновей, Сонечка уступает мужа Ясе, которая помогает ему творить.

² Она цитирует слова Кати из рассказа «Народ избранный» (1993): «А настоящий нищий, Зиночка, Божий человек, Господу служит! Он избранный народ, нищий-то!». [Улицкая, 2007, с. 107].

³ Синдром Дауна.

журналистом начала прошлого века, которая занималась теологическими исследованиями. Беленсон связывает слабоумие и юродство, опираясь на родственность слов «юрод» и «урод» («неправильно рожденный»). Слабоумные юродивые в прозе Улицкой, безумные от рождения, потенциально могут быть счастливы. Это Милочка, Георгий; такой была Зинаида до смерти матери. Недоразвитость, по мысли Е. Беленсон, это предпосылка благодати: «дефект обращается в положительное условие роста духовного» [Беленсон, 1927, с. 90].

Потеря рассудка Генеле (рассказ «Генеле-сумочница», 1993) и Еленой Кукоцкая («Казус Кукоцкого», 2001) описывается в повествовании. Генеле совершает свой ежегодный пасхальный обряд, Елена выходит из церкви после разговора с отцом Владимиром: обе погружаются в «третье состояние». Старая Генеле вскоре умирает, а Елена живет еще очень долго, но безумие ее проявляется в утрате связи с реальным пространством. Елену из «третьего состояния» возвращает появление дорожного ангела¹.

В русском языке понятие безумия связано с пространственностью: синонимами к «обезуметь» являются такие словосочетания, как «выйти из себя», «сойти с ума».

Переход в «третье состояние» Генеле и Елены происходит в дороге, они буквально выходят за пределы бытия. Генеле сбивается с пути, она «повернула не в ту сторону <...> Она не узнавала перекрестка, чуть ли не с детства ей знакомого» [Улицкая, 2007, с. 45]. Перекресток в традиционных представлениях – сакральное пространство. Он является знаком перехода из одного пространства в другое [Керлот, 1994, с. 390], в христианстве является местом почитания Христа из-за формы креста. В народной культуре перекресток – место встречи с нечистыми силами. Генеле остается на перепутье между потусторонним и посюсторонним мирами: она не может расстаться со своей сумкой, в которой спрятаны бриллианты, заботливо охраняемые ею от родственников и властей. Генеле, выбрав материальные блага, не может забрать их с собой на тот свет]².

---

¹ Цикл рассказов Л. Улицкой «Дорожный ангел» включен в книгу «Люди нашего царя» [Улицкая, 2005].

² Л.Е. Улицкая подчеркивает: «Вот потерю руки, ноги, голову и возраст, дату рождения и дату смерти, национальность и образование, вот потерю имя и фамилию, и будет хорошо» [Улицкая, 2015а, с. 11]. Это в сборнике «Бедные родственники», потом в «Священном мусоре».

Переход в потусторонность связывается с утратой вещей. Поэтому Генеле «застревает» между мирами, утрачивая пространство здешнего мира, забыв всю свою прежнюю жизнь: «весь простой, прочный и разумно устроенный мир утратил внутренние связи и стал неузнаваемым» [Улицкая, 2007, с. 46], она оказывается на улицах знакомо-незнакомого города. У Генеле осталось только одно чувство: «она, маленькая, заблудилась, потерялась и ей надо спешить куда-то по делу великой важности» [Улицкая, 2007, с. 47]. Она пытается завладеть сумкой, назвав ее: «чем громче она кричит, тем больше принадлежит ей эта розовая ветошь» [Улицкая, 2007, с. 47]. Некий Третий, который возникает и между Кукоцкими в Среднем мире, «ласковый и печальный голос кого-то знакомого» [Улицкая, 2015, с. 47], уговаривает ее отпустить сумку. Генеле не сдается, и сумку хоронят вместе с ней.

Феномен безумия подразумевает карнавализацию¹: это послеразумное состояние, во время которого недопустимое становится допустимым (фигура переворота). Покинув церковь, Елена оказывается в ином пространстве – пространстве безумия. Это не Средний мир, это все та же Москва, только воспринимаемая больным сознанием, неузнаваемая: «Это город, – сказала себе Елена. – Я в Москве. Я приехала сюда на метро <...> У меня есть дом. Дома есть телефон... Номер... не помню ... Надо спросить у того, с кем я сейчас разговаривала...– Но вспомнить, с кем она только что говорила и о чем, она не могла...» [Улицкая, 2015, с. 213]. Она так же, как и Генеле, чувствует себя как «ребенок, потерявший мать в вокзальной толпе...» [Улицкая, 2015, с. 213]. Слова не складываются в речь, потеряна способность говорить, взаимодействовать с миром, у нее нет возможности, как у Генеле, вернуться в мир с помощью называния вещей. Потеряно все, даже время: «Куда делось дневное время, совершенно непонятно» [Улицкая, 2015, с. 214].

Безумие Елены – это не буквальный поворот не туда, как у Генеле, это выход в зазеркалье через храм-ворота: она пыталась «найти хоть какую-то шероховатость в пустынном зеркале мира, который только что был полон цветными и разнообразными подробностями, у каждой из которых было название, имя...»

---

¹ Освещение в храме театральное, комичны священнослужители, обедающие и пахнущие жареным луком; проблемы кажутся Елене фальшивыми, надуманными, речь отца Владимира – нестерпимо скучной и светской, отдающей мракобесием Василисы.

[Улицкая, 2015, с. 213]. Ее блуждания заканчиваются. когда мир сам признает ее – дорожный ангел называет имя героини, чем возвращает ее в реальность: утрата всего не состоялась.

Ляля (рассказ «Лялин дом», 1993) всю жизнь стремится иметь все и сразу – счастливую семейную жизнь, молодого любовника, ровесника ее сына. По «запущенной лестнице бывшего приличного дома» она поднимается из своего «некогда почтенного бельэтажа» [Улицкая, 2007, с. 74] и некогда почтенной жизни, чтобы совершить окончательное грехопадение с ровесником сына. Застав Казю с молоденькой Леной, своей некрасивой дочерью, которую она сама подталкивала к любовным похождениям, Ляля не может принять этого. Спустившись от Казиева по черной лестнице (буквально спустившись с небес на землю), Ляля сходит с ума. Дети находят ее, оставившуюся в заложенное кирпичом окно на кухне, никого не слышащую.

Окно – граница условная, оно позволяет увидеть другое пространство, не находясь в нем. Но заложенное окно – граница реально существующая, подчеркнута непроницаемая, и в отличие от расколотого сознания героини, целое, прочное. Именно в упорядоченно уложенных кирпичках Ляля видит свое спасение. В окне – летящий Казя, который предстает ей ангелом: она видит «лишь голые ступни ног да развевающиеся темные волосы, распавшиеся на два неровных полукрыла...» [Улицкая, 2007, с. 80]. Фиктивное окно сияет и исчезает, превращаясь в границу между мирами. Ляля оказывается в иссохшей пустыне с зыбким песком, которая заполнена множеством растений, слышит музыку летящих песчинок. Тогда Ляля испытывает прозрение: «... И в этот миг Ляля ощутила присутствие... – Господи! – прошептала она...» [Улицкая, 2007, с. 80]. Прозрение описано так же, как появление Третьего между Еленой и Павлом Кукоцкими, а потустороннее пространство сходно со Средним миром. Ляля обретает домашнее счастье, но становится слабоумной, испытывая любовь ко всему окружающему миру: «*бедная девочка... бедная кастрюлька... бедная лестница...*» [Улицкая, 2007, с. 82]. Таким образом, пограничные пространства черной лестницы и окна потенцируют и пограничное состояние сознания – состояние безумия, которое становится спасительным для семьи Ляли. Ляля счастлива, но безумна.

Безумие у Улицкой не в отсутствии разума, это послеразумное состояние, позволяющее персонажам заглянуть в «щель» между потусторонним и посюсторонним мирами. В прозе Людмилы Улицкой существует 2 вида безумия – безумие счастливое и безумие как хаос.

Безумие счастливое представлено как благодать и блаженство, затмевающие разум несчастливого в обычном мире человека. Бронька спасается от неприглядной жизни со старым фотографом, Милочка из рассказа «Дочь Бухары» счастлива, несмотря на юродство. Безумие как хаос и пропасть в большей степени связано с категорией потусторонности. Оба вида безумия представлены пространственно, что обусловлено спецификой понимания безумия автором. Утрата пространства в прозе Улицкой – симптом безумия: персонажи как бы «дезориентированы» в реальности, создают свой новый, промежуточный мир либо попадают в такой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антошук, Л. К. Концепция и поэтика безумия в русской литературе и культуре 20-30-х гг. XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.К. Антошук – Томск, 1996. – 18с.

Беленсон, Е. Безумие и вера / Е. Беленсон // Путь. – 1926. – №2. – С. 137-138.

Беленсон, Е. О подвиге юродства. (О юродстве во Христе) / Е. Беленсон// Путь. Орган русской религиозной мысли. Т. 8 (авг.). – Париж, 1927. – С. 89-98.

Зими́на, М. А. Дискурс безумия в исторической динамике русской литературы от романтизма к реализму: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.А. Зими́на – Барнаул, 2007. – 21с.

Керлот, Х. Э. Словарь символов / Х.Э. Керлот. – Москва: «REFL-book», 1994. – 608 с.

Мотеюнайте, И. В. Юродство, любовь и материнство в пьесе Л. Улицкой «Семеро святых» / И.В. Мотеюнайте // Проблемы исторической поэтики. – 2008. – С. 594-605.

Руднев, В. П. Словарь безумия / В.П. Руднев – Москва: Класс, 2005. – 400 с.

Руднев, В. П. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы / В.П. Руднев – Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 528 с.

Серго, Ю. Н. Женская проза России: особенности художественной философии / Ю.Н. Серго // Филологический класс. – 2006. – №16. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-proza-rossii-osobennosti-hudozhestvennoy-filosofii>. (19.05.2018).

Улицкая, Л. Е. Бедные, злые, любимые: Повести. Рассказы / Л.Е. Улицкая. – Москва: Эксмо, 2007. – 384 с.

Улицкая, Л. Е. Казус Кукоцкого / Л.Е. Улицкая. – Москва: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2015. – 511 с.

Улицкая, Л. Е. Священный мусор [рассказы, эссе] / Л.Е. Улицкая. – Москва: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2015. – 476 с. (а).

Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И.К. Стаф / М. Фуко. – Москва: АСТ, 2010. – 698 с.

Хазова, М. А. Тема безумия в русской прозе XX века: 1900-1970-е гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.А. Хазова. – Орел, 2016. – 24 с.

Эпштейн, М. Н. Методы безумия и безумие метода / М.Н. Эпштейн // Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. – Москва: НЛО, 2004. – С. 512-540.

Янчевская, К. А. Юродство в русской литературе второй половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.А. Янчевская. – Барнаул, 2004. – 22 с.

REFERENCES:

Antoschuk, L. K. Kontseptsija i po`etika bezumija v russkoj literature i kul'ture 20-30-h gg. XIX veka.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / L.K. Antoschuk – Tomsk, 1996. – 18s.

Belenson, E. Bezumie i vera / E. Belenson // Put'. – 1926. – №2. – S. 137-138.

Belenson, E. O podvige jurodstva. (O jurodstve vo Hriste) / E. Belenson // Put'. Organ russoj religioznoj mysli. T. 8 (avg.). – Parizh, 1927. – S. 89-98.

Epshtejn, M. N. Metody bezumija i bezumie metoda / M.N. Epshtejn // Знак пробела: O buduschem gumanitarnyh nauk. – Moskva: NLO. – 2004. – S. 512-540.

Fuko, M. Istorija bezumija v klassicheskuju `epohu / per. s fr. I.K. Staf / M. Fuko. – Moskva: AST, 2010. – 698 s.

Hazova, M. A. Tema bezumija v russoj proze XX veka: 1900-1970-e gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / M.A Hazova/ – Orel, 2016. – 24 s.

Kerlot, H. E. Slovar' simvolov / H.E. Kerlot. – Moskva: «REFL-book», 1994. – 608 s.

Motejunajte, I. V. Jurodstvo, ljubov' i materinstvo v p'ese L. Ulitskoj «Semero svjatyh» / I.V. Motejunajte // Problemy istoricheskoi po`etiki. – 2008. – S. 594-605

Rudnev, V. P. Slovar' bezumija / V.P. Rudnev – Moskva: Klass, 2005. – 400 s.

Rudnev, V. P. Filosofija jazyka i semiotika bezumija: Izbrannye raboty. / V.P. Rudnev – Moskva: Izdatel'skij dom «Territorija buduschego», 2007. – 528 s.

Sergo, Ju. N. Zhenskaja proza Rossii: osobennosti hudozhestvennoj filosofii / Ju. N. Sergo // Filologičeskij klass. – 2006. – №16. – [Elektronnii resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-proza-rossii-osobennosti-hudozhestvennoj-filosofii>. (19.05.2018).

Ulitskaja, L. E. Bednye, zlye, ljubimye: Povesti. Rasskazy / L.E. Ulitskaja. – Moskva: `Eksmo, 2007. – 384 s.

Ulitskaja, L. E. Kazus Kukotskogo / L. E. Ulitskaja. – Moskva: AST, Redaktsija Eleny Shubinoj, 2015. – 511 s.

Ulitskaja, L. E. Svsjasčennyj musor [rasskazy, `esse] / L.E. Ulitskaja. – Moskva: AST, Redaktsija Eleny Shubinoj, 2015. – 476 s.

Yanchevskaja, K. A. Jurodstvo v russkoj literature vtoroj poloviny XIX v.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / K.A. Yanchevskaja. – Barnaul, 2004. – 22 s.

Zimina, M. A. Diskurs bezumija v istoričeskoi dinamike russkoj literatury ot romantizma k realizmu: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk / M.A. Zimina – Barnaul, 2007. – 21s.

Т.А. Воробьева¹

Алтайский государственный педагогический университет

МОРТАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ДОРОГИ В ПРОЗЕ В. М. ШУКШИНА

Статья посвящена изучению поэтики мортальной семантики дороги в прозе В.М. Шукшина. Основу исследования составляет ассоциативная пара «дорога» - «жизнь». В центре исследования – метафорическое соответствие между постепенным усилением звучания темы смерти и поэтапным преодолением пути персонажами. Доказано, что «многослойность» мортальной семантики дороги является характерным приемом шукшинской прозы. Таким образом, преодолевая всё новые преграды жизненного пути, пожилой персонаж с каждым шагом всё очевиднее приближается к исходу, в то время как встреча со Смертью способна кардинально изменить ход жизни юного героя. Ведущую роль в этом отношении играет характеристика

---

¹ Татьяна Александровна Воробьева – аспирант АлтГПУ (Барнаул)